

**СЕМЕЙНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ В ЕГО КУЛЬТУРНО-
САНИТАРНОМ ИЗМЕРЕНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОБСЛЕДОВАНИЙ В ТОМСКО-КУЗНЕЦКОМ КРАЕ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX вв.)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Семейное крестьянское жилище в его культурно-санитарном измерении (по материалам обследований в Томско-Кузнецком крае конца XIX – первой трети XX в.) / В. А. Зверев // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения / отв. ред. В. А. Ильиных. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1999. – С. 13–32.

Жилище – важнейшая составная часть той материальной сферы, в которой протекает повседневная жизнь любой крестьянской семьи. Характеристики жилищных комплексов (планировка, дифференциация функций, степень комфортности и др.) оказывают серьезное воздействие не только на семейный досуг, но также на некоторые стороны хозяйственной деятельности крестьянского домохозяйства, на состояние здоровья сельчан. Традиционные сельские жилища, их историческая эволюция давно и прочно вошли в круг тех объектов материальной (частично – и духовной) культуры восточнославянского населения России, изучению которых уделяется большое внимание в историко-этнологической и историко-архитектурной отраслях науки. В последнее десятилетие появляются обобщающие труды, характеризующие ситуацию и в целом по стране [1], и в таких ее крупнейших регионах, каковым является Сибирь [2]. Продолжается также углубленное изучение типологии и планировки, технологии возведения и приемов обживания крестьянского дома в отдельных этнокультурных районах на востоке России.

Видный этнолог В. А. Липинская разработала свой вариант «культурно-экологического» районирования Сибири, где среди иных

выделила «Кузнецко-Барабинский район (Томская губерния, север Алтайского горного округа)», сложившийся, по ее мнению, к началу XX в. и обладавший значительной местной спецификой жилищ и усадеб [3]. Вышедшие в последние годы труды П. Е. Бардиной, Л. А. Скрыбиной, А. Ю. Майничевой о развитии архитектурно-строительных традиций русского населения Кемеровской, Новосибирской, Томской областей [4] в целом подтверждают перспективность выделения такого района. Однако, на наш взгляд, степная Барабинская зона с ее жилыми постройками из суррогатных материалов, значительным распространением южнорусских и украинских традиций занимает в нем настолько обособленное положение, что во многих случаях ее следует рассматривать либо как отдельный район, либо объединять с Кулундинской зоной на Алтае.

Применительно ко времени рубежа XIX–XX вв. местность на стыке Верхнего и Среднего Приобья, без Барабы и Нарыма, но с включением в нее бассейна Ини, значительной части бассейнов Томи и Чулыма уместно было бы назвать *Томско-Кузнецким районом (краем)*. В настоящей статье этот район рассматривается в административных границах Кузнецкого, Мариинского и южной части Томского округов (уездов) Томской губернии, существовавших до 1917 г. После серии административных преобразований к концу 1920-х гг. указанная территория входила в Томский и Кузнецкий, частично – в Новосибирский округа Сибирского края.

Можно согласиться с В. А. Липинской в том, что этот район слабо изучен этнографами, однако утверждение о фрагментарности сохранившихся свидетельств дореволюционного времени о жилищах и хозяйственных постройках здешних жителей [5] вызывает возражение. До сих пор в научный оборот вовсе не вовлечены или используются лишь частично целые комплексы конкретно-исторических источников. Например, цифровые и описательные материалы массовых экономико-статистических и санитарных обследований, проведенных в конце XIX – первой трети XX вв.

Постановка проблемы

Автор настоящей статьи рассматривает крестьянские жилищные комплексы в контексте изучения народной *санитарно-гигиенической культуры*, которая являлась основой жизнесохранительного поведения сибиряков [6]. В рамках указанного подхода в статье анализируются преимущественно те характеристики жилищ, которые оказывали влияние на здоровье и продолжительность жизни поколений русского крестьянства Сибири. Хронологически исследование охватывает период второй половины XIX – первой трети XX вв. Это позволяет выявить историческую динамику, увидеть некоторые изменения, происходившие в период от начала эволюционной модернизации традиционной народной культуры до насильственного разрушения основ последней в ходе сплошной коллективизации сельского хозяйства.

В качестве главного вида источников привлечены материалы нескольких *массовых обследований* крестьянских хозяйств и сельского быта. В 1894 г. статистический отдел Главного управления Алтайского горного округа охватил сплошным экспедиционным обследованием (руководители – П. Г. Сущинский и С. П. Швецов) в самой южной, «кабинетской» части Томского округа почти 14 тыс. крестьянских усадеб, где располагалось 15,6 тыс. жилых строений. На кабинетской земле располагались и те 10 переселенческих поселков Кузнецкого округа, что были обследованы в 1894 г. Обществом любителей исследования Алтая. Одновременно по поручению губернатора группа специалистов под руководством А. А. Кауфмана уже в контексте изучения хозяйственного положения новоселов на «казенных» (государственных) землях выявила жилищные условия около 3,5 тыс. домохозяйств в Томском и Мариинском округах.

Следующим шагом стали работы статистической организации Томского переселенческого района (руководитель – В. Я. Нагнибеда) в 1911–1913 гг. На предмет обеспеченности удовлетворительными жилыми и

хозяйственными постройками обследована 1/6 часть крестьянских дворов в интересующем нас районе. Особенно тщательно, путем измерений по выборочной системе, оказались изученными 6840 жилых помещений. Наконец, в 1920-х гг. медицинские и землеустроительные органы Сибирского крайисполкома организовали выборочное обследование санитарно-гигиенического состояния жилищного фонда, усадебной территории и системы водопотребления по всей Сибири [7]. В частности, они собрали подробные сведения о жилищной ситуации в 51 селении Кузнецкого и почти в 400 населенных пунктах Томского округа, в том числе отдельно – в нескольких десятках переселенческих поселков.

При всех указанных обследованиях особое внимание уделялось общей характеристике санитарно-гигиенического состояния жилищного фонда, однако предпринято много усилий по изучению специфики русских старожильческих и динамики становления переселенческих жилищ. В некоторой степени учитывались также особенности ситуации в основных социальных слоях и территориальных группах крестьянства. В настоящей статье данные массовых обследований дополняются и корректируются сведениями, извлеченными из делопроизводственных источников (отчеты, обзоры, доклады врачей и чиновников), этнографических описаний, мемуаров и иных свидетельств изучаемой эпохи.

В этнографической литературе общим местом становятся утверждения такого рода: «Характерной особенностью сибирского жилища была его чистота и опрятность», «Просторные и светлые дома сибиряков содержались в чистоте» [8]. Основой этой опрятности ученые считают рано утвердившееся отопление сибирских изб «по-белому», преобладание трехчастной горизонтальной планировки, преимущественное использование жирового, а затем керосинового освещения, наличие специальных построек для скота, неустанную заботу женщин о соблюдении домашнего порядка. Ссылаются на свидетельства некоторых наблюдателей XIX в. (М. Геденштром, Г. Елисеев, Н. Петропавловский и др.) о том, что в чистоте

и опрятности сибиряки далеко превосходят жителей русских европейских губерний. Однако игнорируются имевшие место весьма критические суждения других современников о благосостоянии и санитарных качествах селений и многих жилищ у сибиряков. В любом случае субъективные высказывания людей, не являвшихся специалистами в области технологии сельского строительства, санитарии и гигиены, не опирающиеся на статистику, не могут заслуживать безусловного доверия. В рамках конкретного изучения «общего и особенного» в истории бытовой культуры следовало бы выяснить, в какой степени применимы к Сибири выводы этнолога Л. Н. Чижиковой, сделанные на общероссийском материале: «Даже в XIX в. в большинстве крестьянских изб было тесно, ощущался недостаток света и воздуха», «Благоустройством крестьянских селений в пореформенную эпоху занимались мало» [9].

Привлечение новых видов источников как раз позволяет, существенно расширив эмпирическую базу, уточнить и скорректировать некоторые утвердившиеся теоретические положения. Нужно обязательно принять в расчет высказанные уже в изучаемый период компетентными авторами отчетов и докладов, участниками массовых репрезентативных обследований (а это были признанные специалисты – санитарные врачи и инженеры) суждения о качестве жилья в Сибири. Эти суждения опираются на выработанные во второй половине XIX – начале XX вв. в медицинской науке и профессиональной строительной технологии представления о санитарно-гигиенических нормах строительства и эксплуатации жилого фонда в сельских поселениях [10].

Уже тогда была установлена минимально допустимая норма жилой площади на одного человека – 9 кв. м при высоте потолка не менее 3-х или хотя бы 2,5 м, что приближает объем воздуха к 25–30 куб. м. Естественная освещенность жилья оценивалась с помощью светового коэффициента, который измеряется отношением суммарной площади поверхности окон к площади пола и в норме не должен быть меньше 1/8. Медицинские

работники настаивали на обязательном устройстве в крестьянских домах фундаментов, прочных крыш и сухих подполий, печей улучшенной конструкции, приспособлений для вентиляции воздуха и антималарийных сеток в окнах, на обзаведении умывальниками, отдельными полотенцами для каждого жителя и т. п. Таким образом, *имеются объективные критерии*, по которым можно оценить степень приспособленности крестьянского жилья и его убранства к жизненным потребностям человеческого организма.

Планировка жилищ: санитарное измерение

Обследования 1894 г. позволили составить представление об *обеспеченности жильем* крестьянства Томско-Кузнецкого края. В 13 807 деревенских усадьбах кабинетской части Томского округа произвели учет жилых строений, которых оказалось здесь 15 624. Как выяснилось, подавляющее большинство домохозяйств (80,4 %) располагало одним деревянным домом. Два-три дома имели немногие зажиточные домохозяйства – 11,1 %. Некоторая доля крестьян – 2,4 % – владела не целым жилищем, а только его частью. Наконец, 0,2 % крестьянских семейств жило в землянках, а еще 5,9 % вовсе не обладало своим жильем и «приселялось» к более удачливым родственникам и односельчанам [11]. В переселенческих поселках на государственных землях Мариинского и Томского округов в это время ситуация выглядела так. Из общего количества 3566 обследованных хозяйств 9 % обитало в чужих домах, 4 % – в землянках или шалашах, 87 % – в собственных бревенчатых избах. Из тех, кто обзавелся деревянным, наиболее качественным жильем, 52 % сумело сделать это на первом году после переезда в Сибирь, 25 % – на втором году, 10 % – на третьем, 6 % – на четвертом, 7 % – позже четвертого года [12]. В некоторых селениях можно было встретить жилища из суррогатных материалов – саманные, дерновые, литые из глины, но широкого распространения в Томско-Кузнецком районе, богатом запасами строевого леса, они не получили.

В настоящей статье мы оставим за пределами рассмотрения земляные и прочие строения из суррогатного материала, ограничившись указанием, что его санитарно-гигиенические качества не выдерживали никакой критики [13]. Перейдем к характеристике деревянных строений, которые составляли основную массу крестьянских жилищ: 8–9 из каждого десятка. На их санитарные свойства большое влияние оказывали планировка и конструктивные особенности постройки. В материалах массовых обследований имеются сведения о распределении деревянного жилья по типу капитальной планировки у различных категорий населения. В составленную нами таблицу 1 вошли данные о 14 539 обследованных в 1894 г. и 25 323 осмотренных в 1925–1927 гг. жилищах Томского округа. Старожильческое и переселенческое «жило» представлено здесь достаточно репрезентативными выборками.

Таблица 1

Распределение деревянных жилищ в селениях Томско-Кузнецкого края по типу капитальной планировки, %*

Тип жилища	1894 г.				1925–1927 гг.		
	у старожилов	у новоселов	у «инородцев»	во всем населении	у старожилов	у новоселов	во всем населении
4-стенные	43,6	51,1	48,0	45,3	33,5	49,0	39,2
5-стенные	29,0	35,2	29,2	29,9	41,0	44,0	50,9
Связные	6,3	3,2	4,0	5,7	4,5	1,3	2,0
Крестовые и двухэтажные	21,1	10,5	18,8	19,1	21,0	5,7	7,9

* Подсчитано по данным: Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском окр. Барнаул, 1898. Т. 2. Вып. 1. С. 111; *Лантев А. Н.* Итоги жилищно-бытового обследования селений Томского окр. // Сиб. мед. журнал. 1928. № 5. С. 19, 22.

При анализе данных таблицы 1 выясняется, что в начале 1890-х гг. у русских крестьян – старожилов и новоселов, как и у представителей аборигенного населения, преобладающим типом жилой постройки являлась квадратная в плане *четырёхстенная изба* (по местному названию – «стопа»),

к которой иногда, как и к прочим типам жилья, прирубались бревенчатые или дощатые сени. За последующие 30 с лишним лет доля четырехстенков среди прочих типов построек сократилась, но продолжала оставаться высокой, особенно у новоселов. Такая постройка являлась самой простой и дешевой. Единственная комната служила обитателям спальней и столовой, рабочим помещением и местом отдыха. По словам доктора А. А. Пономарева, одного из руководителей обследования и автора ряда итоговых публикаций, «стопа» обеспечивала «минимум жилищной потребности крестьянина, это жилище деревенских вдов, сирот, бедняков и ... переселенцев, которые недавно прибыли в эти места» [14].

Судя по всему, в период до Первой мировой войны на основе некоторого роста благосостояния крестьянства шло постепенное вытеснение четырехстенков более просторными и удобными постройками, но в 1915–1922 гг. социально-экономические и политические потрясения привели к общему понижению темпов жилищного строительства и возвращению «стопы» в актуальную строительную практику. С середины 1920-х гг. примитивная изба вновь ослабляет свои позиции, по крайней мере, у сибиряков-старожилов.

По данным 1925–1927 гг., в Томском округе общий размер жилой площади в обычном четырехстенке равнялся 25 кв. м, средняя высота потолка составляла 218 см, световой коэффициент – 1/18 [15]. Более подробный перечень санитарно-гигиенических характеристик «стопы», как и прочих типов крестьянского жилья, приводится в материалах обследования Причулымского края, входившего в состав Томского округа (табл. 2). Очевидные конструктивные пороки четырехстенной избы приводили к чрезвычайно неблагоприятным условиям жизни в ней – тесноте, спертости воздуха, сырости, зимнему холоду, слабой освещенности и т. п.

Таблица 2

Санитарно-гигиеническое состояние жилого фонда в Томском

Причулымье (1925 г.)*

Санитарный показатель	4-стенные избы	5-стенные избы	Связные дома	Крестовые дома
Общее кол-во обследованных жилищ	69	52	4	12
<i>Кол-во жилищ, %:</i>				
со срубами хорошего качества	74	91	100	100
с промазанными глиной и побеленными стенами	92	100	100	100
с двойными рамами в окнах	8	30	50	50
с окрашенным полом	18	52	75	75
с сухим подпольем	28	57	50	67
<i>На одного жильца приходится:</i>				
жилая площадь, кв. м	5,3	6,5	9,1	12,0
объем воздуха, куб. м	12,2	15,1	21,0	30,0
<i>Среднее жилище имеет:</i>				
длину и ширину в горизонтальном плане, м	5 × 5	5 × 9,5	5 × 12	9,2 × 9,2
высоту потолка, см	220	230	230	250
количество окон	3–4	7	8	11–12
световой коэффициент	1/20	1/10	1/15	1/12
<i>Кол-во крыш, %:</i>				
тесовых	26	60	50	92
из дранки	61	40	50	8
протекающих	72	45	25	16

* Составлено по данным: Пономарев А. А. Жилищный вопрос в селениях Причулымья // Сиб. мед. журнал. 1926. № 1. С. 46–48.

Другой распространенный в крае тип жилья – *пятистенные дома*, имеющие в плане вид прямоугольника с внутренней капитальной перегородкой. Последняя делит жилье на две комнаты – кухню и горницу. Пятистенки являлись обычными постройками середняцкого слоя крестьянства. В конце XIX в. они составляли около трети, а к концу 1920-х гг. – до половины и более всего жилого фонда. Рост их значения произошел, во-первых, в результате «осереднячивания» деревни, которое происходило в первое десятилетие советской эпохи; во-вторых, в процессе совершенствования строительной и санитарной культуры русских сибиряков.

Пятистенки были лучше «стопы» приспособлены для сохранения жизни и здоровья людей, но и в нем ни жилая площадь и объем воздуха, ни уровень

освещения, ни прочие санитарные показатели даже не были близки к санитарным нормам (см. табл. 2). По данным 20-х гг., в Томском округе средний размер всей жилой площади в пятистенном доме равнялся 39 кв. м, высота потолков составляла 225 см, световой коэффициент – 1/13 [16].

Шестистенные, или связные, дома представляли собой редкий на изучаемой территории тип построек. Две параллельные капитальные стены делили их внутреннее пространство на три части. Средняя комната обычно являлась как бы прихожей, другие две – кухней и горницей. Дома, построенные «связью», являлись, как правило, достоянием довольно зажиточных крестьян. Их конструкция и обустройство допускали, с санитарно-гигиенической точки зрения, приближение к минимально приемлемым условиям жизни (см. табл. 2).

Крестовые дома, или «круглые», по местному выражению, представляли собой наиболее совершенный в технологическом и санитарном смысле тип жилой постройки. Две перпендикулярные друг другу стены разделяли их площадь на четыре части. Под жилье занимали обычно 2–3 комнаты: кухню, столовую, горницу. Оставшиеся помещения использовались как вспомогательные и потому плохо отапливались. По данным Томского округа, в 20-х гг. обычный крестовый дом имел 58 кв. м жилой площади, коэффициент освещения – 1/11, высоту потолков – 230 см [17].

Хозяевами «круглых» крестовиков были зажиточные крестьяне. Сосновые срубы этих домов имели хорошее качество, стены обязательно обмазывались глиной и белились, иногда их даже оштукатуривали или оклеивали обоями. В большинстве крестовиков имелись прочная тесовая крыша, сухое подполье, окрашенный пол, в окна на зиму вставляли вторые рамы и т. д. Еще лучшие условия для жизни были созданы в просторных *двухэтажных домах*, которые изредка встречались в Приобье. Данные таблицы 2 свидетельствуют, что доля крестовых и двухэтажных домов, в конце XIX в. достигавшая в Томско-Кузнецком крае почти пятой части жилых строений, к рубежу 1920–1930-х гг. снизилась более чем в два раза.

Здесь сказались и негативные последствия «военно-революционного» кризиса 1915–1922 гг., и политика советской власти, направленная на ограничение, а затем вытеснение «кулачества».

Жилищные условия: специфика социальной среды

Таким образом, жилищные условия резко различались в разных *социальных слоях и группах* крестьянства Томско-Кузнецкого края, как и в других местностях России. Еще в начале изучаемой эпохи, в 1860-х гг., на это обратил внимание публицист С. И. Турбин: «Поездивши по Сибири, я понял причину, производящую разногласие в показаниях путешественников, из которых одни восхищаются местным крестьянским бытом, другие, напротив, рассказывают о страшной нужде... Те и другие правы; но разница в том, что первые заходили в дома крестьян по званию, но помещиков, купцов или чиновников по ремеслу, другие осведомлялись в избушках полукрытых и даже совсем не крытых (дом без крыши в Сибири повсеместно не составляет редкости)» [18]. В 1920-х гг. по всей Сибири обследования твердо зафиксировали тесную зависимость показателей качества жилищ от социально-имущественного статуса их владельцев. Выявленные на общественных полюсах деревни различия в размерах, качестве строительства и внутренней планировке жилищ были напрямую связаны с разницей во всех санитарных показателях, вплоть до чистоты содержания помещений.

Обследования конца XIX – первой трети XX вв. позволили также подробно характеризовать существенную разницу в жилищных условиях *сибиряков – старожил и новоселов*. Таблица 1 фиксирует различия по типу капитальной планировки жилищ в основном в тех поселениях Томско-Кузнецкого района, где переселенцы селились вместе со старожилами и в какой-то степени опирались на их помощь в обустройстве. Даже при этом условии доля в жилом фонде «самолучших» – шестистенных, крестовых и двухэтажных домов у них была в 1894 г. в 2 раза, а в 1920-х гг. – в 3,6 раза

меньше, чем у «чалдонов» – старожилов. Доля же несовершеннолетних четырех- и пятистенных изб – в 1,2 раза больше. Если же принять в расчет данные о переселенческих поселках, то их контраст со старожильческими селами будет выглядеть еще рельефнее. Четырехстенки составляли 76 % всех жилищ в обследованных 56 поселках Томского округа, 63 % – на 25 осмотренных переселенческих участках Кузнецкого округа. Почти все остальное жилье было пятистенным, а более удобные и просторные дома встречались только как исключение (2–4 %) [19].

Таблица 3 содержит сравнительные данные о некоторых иных показателях санитарно-гигиенического качества жилищ старожилов и приселившихся к ним новоселов. По всем статьям старожильский жилой фонд выглядит гораздо лучше, и со временем такое положение менялось мало.

Обобщенную характеристику старожильческих селений дает доктор А. И. Ремезов в обзоре, составленном в 1880 г. на основе многолетних данных из отчетов сельских врачей и чиновников. По его словам, в лесисто-гористой полосе «деревни отличаются зажиточностью; дома построены просторно и удобно: разделяются на две половины – чистую и кухню» [20]. В средней полосе Западной Сибири, где располагалась основная часть Томско-Кузнецкого края, жилища «везде почти просторны, удобны, опрятны...» [21]. В материалах обследования 1925 г. по Причудлымскому району содержится описание нескольких старожильческих селений со сходными формулировками: «Обстановка жилищ хорошая, крашеные полы, чисто» (д. Нижне-Таткино); «Деревня строится и производит хорошее впечатление» (д. Таньково); «...дома высокие и светлые» (д. Большое Семеново). Однако тут же приводятся статистические данные, которые показывают всю относительность этого благополучия. В упомянутых деревнях на одного человека в среднем приходилось 6,9–11,2 кв. м жилой площади, 14,7–25,8 куб. м объема воздуха в доме [22]. Эти показатели либо только приближаются к минимально допустимой санитарно-гигиенической норме,

либо едва-едва соответствуют таковой, так что к высказываниям о жилищном процветании старожилов-сибиряков следует относиться с большой осторожностью.

Таблица 3

Различия санитарных показателей качества жилищ у старожилов и переселенцев Томско-Кузнецкого края*

Показатель	1911–1913 г.		1925–1927 гг.		
	Старожилы	Новоселы	Старожилы	Новоселы	Все население
Средняя высота потолков, см	...	...	230	220	220
Средний световой коэффициент	1/11	1/17	1/14	1/16	1/14
<i>Приходится на одного жильца:</i>					
жилая площадь, кв. м	...	...	6,8	5,6	6,4
объем воздуха, куб. м	16,9	11,5	15,2	12,3	14,0
<i>Кол-во жилищ, %:</i>					
с 4–5-стенной планировкой	...	...	75	92	90
имеющих					
рукомойник	...	...	75	35	56
жители которых спят на полу	...	...	42	40	41
в которых зимой держат скот	17	50	31	43	34
содержащихся в чистоте	...	...	80	44	61

* Составлено по данным: *Нагнибеда В. Я.* Поселения сельского типа и их благоустройство // Томская губерния и ее производительные силы. Томск, 1922. С. 69–70; *Лантев А. Н.* Итоги... С. 17, 21–24.

На фоне весьма относительных преимуществ в жилищных условиях старожилов и тем более в сравнении с научно обоснованными требованиями переселенческий жилищный фонд выглядел «крайне дефектным во всех отношениях» (слова доктора К. М. Гречищева) [23]. В 1881 г. один объездной врач дал такое описание типичной избушки новоселов в Приобье: «7 аршин длины, 6 аршин ширины и 3 аршина вышины (примерно $5 \times 4,3 \times 2,1$ м. – В. З.), избушка вмещает в осеннее время и зимой 18 жильцов – 14 взрослых и

4 детей. Нужно прибавить, что в зимнее время в этой же избушке должны найти приют и птица, и мелкий скот» [24]. Почти через полвека, в 1927 г., обследование томских и кузнецких переселенческих поселков дало такие цифры. Средняя жилая площадь на одного обитателя в избушке новосела равнялась 4,3–4,9 кв. м, «кубатура» воздуха – около 10 куб. м, и это еще без вычета площади и объема, занимаемых русской печью [25]. Избы переселенцы устраивали без фундамента, в половине случаев у них протекала крыша, встречалось жилье с земляным полом, с сырыми стенами, освещавшееся в темное время лучиной. Рамы в окнах почти все были одинарные и без форточек и т. п.

Подводя итоги обследования 1920-х гг., ведущий в то время в Сибири врач-гигиенист К. М. Гречищев имел веские основания подчеркивать: переселенческое жилище создается «не только с большими усилиями ... в спешном порядке при самых неблагоприятных условиях, но и с чрезвычайным равнодушием к удобствам жизни и при полном отсутствии элементарных сведений о мерах охранения здоровья» [26]. Уже в изучаемую эпоху обществу были ясны и основные причины, порождавшие столь печальное положение: материальная необеспеченность аграрных мигрантов, низкий уровень их санитарно-бытовой культуры. Современники неоднократно отмечали, что «коренные» сибиряки, жившие более зажиточно и «обиходно», регулярно мывшие или скоблившие не только полы и лавки, но даже деревянные стены и крыльца, смеялись над неряшливостью новоселов: «Лопатня, что свинья, что на дворе, то и в избе», «Только слава, что крещеные, а живут не обрядно: свиньями свиньи» [27].

Впрочем, в ходе обследований стало ясно, что переселенцы переселенцам рознь. В ряде случаев специалисты обратили внимание на различия архитектурно-строительного и санитарно-бытового характера между разными этническими, конфессиональными и территориальными группами мигрантов, а также на серьезные усилия жителей некоторых переселенческих поселков по благоустройству своего жилья [28]. Однако, к

сожалению, программы обследований не предусматривали специального сбора материалов о жилищных условиях в Сибири выходцев из разных местностей Европейской России, представителей различных этносов.

Общие достоинства и недостатки сельского жилья

Имеющиеся в распоряжении современных исследователей материалы массовых обследований больше всего сориентированы на характеристику общих, генеральных черт санитарно-бытового состояния всего крестьянства в субрегионах Сибири. В Томско-Кузнецком крае и в конце XIX в., и в 1920-х гг. условия для жизни населения по ряду показателей выглядели *более благоприятно*, чем в большинстве других местностей, особенно – степных. Положительно сказывались лесные богатства края, давшие возможность строить хорошие дома, относительная мягкость природно-климатических условий, давнишняя заселенность русскими людьми (с начала XVII в.), а значит, и адаптированность их к местным условиям, сформированность культурно-бытовых традиций.

Как мы отмечали выше, в Томско-Кузнецком районе было относительно немного бездомных семейств. Не имело распространения суррогатное жилищное строительство – из неподходящих пород дерева, из самана или дерна: в основном использовались добротные сосновые бревна. Достоинствами здешнего жилья можно по праву считать зафиксированное в 1920-х гг. наличие у большинства домов деревянных (тесовых либо драночных) крыш – 95 % в Кузнецком округе; подпольных ям (82 % в Кузнецком, 97 % – в Томском округах); деревянных полов (97 % в Кузнецком округе), зачастую покрашенных масляной краской (в Томском округе – 40 %).

В девяти из каждого десятка жилищ стены промазывали глиной и несколько раз в год белили. Стены обычно были сухими: 83 % в Кузнецком округе. Сени здесь пристраивали к домам чаще, чем во многих иных местах

(в 70 % случаев в Кузнецком, в 47 % – в Томском округах). Отопление было налажено относительно неплохо благодаря обилию дров, наличию во всех домах русской печи, часто дополненной печами иного типа. Содержание в зимнее время молодняка животных и птиц в жилье не стало здесь общим правилом, для этого чаще использовали помещения на подворье. Искусственное освещение жилья производили главным образом с помощью керосиновых ламп (100 % домов в Кузнецком округе), являвшихся в изучаемых период передовым средством освещения [29].

И все же необходимый уровень чистоты и порядка, благоприятные условия для жизни людей трудно было создать и поддерживать при тех *несовершенных традициях строительства* крестьянских жилищ, что господствовали в крае во второй половине XIX – первой трети XX вв. Прежде всего, были явно малы средние размеры жилых строений, примитивна их планировка. На самом деле, по данным 1894 г., на каждую жилую комнату в Томском округе приходилось 2,5 жильца (у старожилов – 2,4, у переселенцев – 3,7 человека) [30]. Непомерная теснота характеризует крестьянское жилье и в последующее время (см. табл. 2–3). Следует учесть, что даже при наличии нескольких комнат все обитатели дома, как правило, большую часть времени проводили в слишком тесной для этого кухне: здесь было теплее и светлее всего.

Прочие важные конструктивные недостатки сельского жилья, выявленные во время обследований 1920-х гг., суть следующие. Избы имели низкий потолок, слабое естественное освещение. Около половины жилищ не имело сеней, а потому в них легко попадала грязь, проникала стужа. Крыши редко ремонтировали, например, в Кузнецком округе 46 % из них протекало. Фундамент имели только 3 % строений. Необходимые в климатических условиях Сибири двойные потолки и двойные полы не имели распространения. И в Томском, и в Кузнецком округах только в 11 % изб вставляли двойные рамы на зиму. Окна с открывающимися створками обнаружили в 23 %, с форточками – в 5 % кузнецких изб [31]. Поэтому в

жилых помещениях была затруднена вентиляция воздуха, летом было душно, а зимой окна пропускали холод, отпотевали.

Знаменитая русская печь, при всех своих достоинствах, главное из которых – многофункциональность, тоже имела существенные недостатки. Она занимала в избе слишком много места: иногда до $1/5$ – $1/4$ всего пространства. Коэффициент теплоотдачи ее был недостаточно высок из-за прямооточного дымохода. В дополнение к ней в 60 % случаев ставили вторую печь, но обычно это была не хорошая голландская или утермарковская, а весьма негигиеничная и пожароопасная железная печь.

Поскольку во многих домах подполье заливало вешней водой (69 % в Томском округе), а отверстия для продуха воздуха в подпольях не прикрывали сетками, в подпольных ямах врачи часто находили скопища комаров анофелес – разносчиков малярии. Через открываемую в полу западную и через окна с выставленными на лето стеклами, также никогда не снабжаемые антималярийной сеткой, комары легко проникали в жилые помещения.

Наряду с конструктивными изъянами жилищ, врачи выявили ряд *типичных пороков повседневной эксплуатации и содержания* жилого фонда крестьянами. Во-первых, это все же практиковавшееся размещение во время сильных морозов в хате тех или иных домашних животных (23 % жилищ в Кузнецком, 54 % – в Томском округах). Во-вторых, постоянное наличие в 85–90 % жилых помещений насекомых-паразитов, разносчиков заразы: клопов, тараканов, мух, блох. В-третьих, небрежная уборка помещений. Еще С. И. Турбин отмечал применительно к избам бедноты: «... везде чисто, только эта чистота ограничивается полом, столом и стенами, все же остальное – верх неряшества» [32]. В 1920-е гг. санитарные врачи по своим критериям оценили содержание жилья как «чистое» только в 64 % случаев по Кузнецкому округу и в 61 % – по Томскому. Остальные жилые помещения безоговорочно оценены как «грязные».

Некоторые проявления образа жизни крестьянства, напрямую

влиывшие на состояние здоровья людей, к сожалению, нашли слабое и иногда противоречивое отражение в материалах массовых обследований. Так, наличие рукомойника («урыльника», по местному выражению), согласно обобщающей публикации по Томскому округу, отмечено «далеко не во всех избах», а именно – в 56 % [33]. Однако доктор А. А. Пономарев, обследовавший в 1925 г. Причулымье, входившие в состав Томского округа, констатирует: «Для поддержания чистоты рук в каждом доме имеется умывальник...» [34]. О ночном отдыхе крестьян доктор А. Н. Лаптев пишет так: он «протекает в условиях далеко не нормальных». В подтверждение приводятся только данные, не дифференцированные по категориям населения, типам жилищ. Оказывается, в Томском округе на кроватях спало 50,2 % жителей, на полу – 40,5 %, на печи – 5,4 %, на полатах – 3,1 % и на нарах – 0,8 %. Нары отмечены лишь в Молчановском и Коларовском районах [35]. По другим источникам известно, что кроватями, если они даже стояли в горнице зажиточного дома, пользовались (и то не всегда) в основном домохозяйин с женой. Старики спали на печи, молодежь и дети – на полу, на матрацах-сенниках, которые утром выносили в кладовую. Во время сна вместо подушки и одеяла зачастую использовали верхнюю одежду. Чистое постельное белье в повседневном крестьянском обиходе практически не использовалось.

* * *

Известный российский этнограф Д. К. Зеленин писал в 1927 г.: «Среди всех восточных славян самой большой и даже болезненной чистоплотностью отличаются севернорусские – сибиряки... Особенно следят за чистотой жилища...» [36]. Высокие оценки санитарно-гигиенического качества жилищ и тщательности ухода за ним в семьях русских крестьян Сибири высказаны и рядом современных ученых. Однако привлеченные нами для анализа материалы массовых экономико-статистических и санитарных обследований заставляют поставить вопрос о пересмотре сложившихся и становящихся уже стереотипными представлений.

Описанная в настоящей статье ситуация в Томско-Кузнецком крае не может быть оценена однозначно. Во второй половине XIX – первой трети XX вв. здесь имели место *несомненные успехи* в деле развития народной архитектурно-строительной и санитарно-бытовой культуры. Однако эти успехи имели локальное распространение – главным образом в среде зажиточной части старожильческого крестьянства. Достижения периода 1861–1914 гг. были прерваны и во многом сведены к нулю в 1915–1922 гг., а новый подъем ко времени «раскулачивания» не привел к решающим успехам. На протяжении всей изучаемой эпохи в отчетах и обзорах, сделанных административными и медицинскими органами, постоянно отмечается наличие в Томско-Кузнецком районе, как и в иных местностях Сибири, очагов социальных, остроинфекционных, простудных заболеваний населения, связанных, в частности, с «несовершенными бытовыми чертами и привычками населения», с «отсутствием санитарно-гигиенических навыков» в его среде [37]. *Недостатки* народной санитарной культуры особенно явственно видны при сопоставлении реального качества крестьянского семейного жилья с утвердившимися на рубеже XIX–XX вв. в российской медико-санитарной науке требованиями к сельским жилым постройкам.

Примечания

1. См.: *Чижикова Л. Н.* Жилище // Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 223–258; *Она же.* Жилище восточнославянских народов // Традиционное жилище народов России, XIX – начало XX вв. М., 1997. С. 11–59; *Она же.* Сельские жилища в XVIII – начале XX вв. // Русские. М., 1997. С. 257–286; и др.
2. См.: *Липинская В. А.* Местные особенности традиционных поселений, жилищ, хозяйственных строений и возможности их учета и использования в современном строительстве (по материалам Сибири) // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 174–206; *Она же.* Жилище восточнославянского населения Сибири // Традиционное жилище... С. 60–78.
3. См.: *Липинская В. А.* Жилище... С. 66, 69–70.
4. См.: *Бардина П. Е.* Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995; *Скрябина Л. А.* Русские Притомья: Ист.-этногр. очерки. Кемерово, 1997; *Майничева А. Ю.* Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997; и др.
5. См.: *Липинская В. А.* Жилище... С. 69.
6. Предыдущие наши работы см.: *Зверев В. А.* Историческая эволюция крестьянских

- жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920-х гг. // Сибирь в XVI–XX вв. Новосибирск, 1997. С. 139–154; *Он же*. Поселения и жилища Новосибирского окр. в 1920-е гг. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 60–64; *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Крестьянские усадьбы Томско-Кузнецкого края (по материалам массовых обследований конца XIX – первой трети XX вв.) // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 184–192.
7. Подробнее см.: *Зверев В. А.* Материалы массовых санитарных обследований селений и жилищ в Сибири 1920-х гг. как историко-культурологический источник // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири. Новосибирск, 1997. С. 130–154.
8. *Липинская В. А.* Жилище... С. 65; *Майничева А. Ю.* Развитие традиционного жилища русских крестьян Западной Сибири // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 125; Этнография русского крестьянства Сибири, XVII – середина XIX вв. М., 1981. С. 130–131; и др.
9. *Чижикова Л. Н.* Жилище... С. 241; *Она же*. Сельские жилища... С. 229.
10. См.: *Эрисман Ф. Ф.* Курс гигиены. М., 1887. Т. 1–2; *Он же*. Краткий учебник по гигиене. 3-е изд. М., 1912; *Скачков А. И.* Способы защиты от огня и сырости деревянных сельских построек. М., 1923; *Он же*. Хорошая русская печь. М., 1925; *Кузнецов В. М.* Крестьянские постройки. М., 1925; и др.
11. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском окр. Барнаул, 1898. Т. 2. Вып. 1. С. 117.
12. Подсчитано по: *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1896. Т. 2. Ч. 1. С. 226–227, 246–247.
13. См.: Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 482–483; *Швецов С. П.* Сибирь: кто в ней живет и как живет. СПб., 1909. С. 57–58; Из жизни переселенцев // Сиб. жизнь. 1908. 20 дек.; и др.
14. *Пономарев А. А.* Жилищный вопрос в селениях Причулымья // Сиб. мед. журнал. 1926. № 1. С. 45.
15. *Лантев А. Н.* Итоги жилищно-бытового обследования селений Томского окр. // Сиб. мед. журнал. 1928. № 5. С. 21.
16. Там же.
17. Там же.
18. *Турбин С. И.* Страна изгнания и Исчезнувшие люди. СПб., 1872. С. 32–33.
19. Подсчитано по: *Гречищев К. М.* Материалы для характеристики санитарного состояния переселенческих поселков Сибирского края. Новосибирск, 1928. С. 11.
20. *Ремезов А. И.* Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 137.
21. Там же. С. 100. См. также: *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 1. С. 189; *Турбин С. И.* Сибирь: Краткое землеописание. СПб., 1871. С. 48; Русские очерки. М., 1956. Т. 2. С. 592; Т. 3. С. 442, 530, 540; и др.
22. *Пономарев А. А.* Жилищный вопрос... С. 50–51.
23. *Гречищев К. М.* Материалы... С. 16.
24. *Мартынов С.* Санитарно-медицинская часть на Алтае // Алтай: Ист.-стат. сб. Томск, 1890. С. 215.
25. *Гречищев К. М.* Материалы... С. 13–14.
26. Там же. С. 16.
27. *Бородкина М. В.* Деревня Иткара Томского края. Томск, 1927. С. 5; *Турбин С. И.* Страна изгнания... С. 37.
28. См.: *Швецов С. П.* Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском окр. // Алтайский сборник. Барнаул, 1899. Т. 4. Вып. 2. С. 458, 474; *Лантев А. Н.* Итоги... С. 22–23; и др.
29. *Сапожков В. В.* Жилищные условия сельского населения по данным выборочного обследования Бачатского и Кузнецкого р-нов Кузнецкого окр. // Сиб. мед. журнал. 1929.

- № 4. С. 32; *Лантев А. Н.* Итоги... С. 17.
30. Материалы по исследованию... С. 126.
31. *Сапожков В. В.* Жилищные условия... С. 32; *Лантев А. Н.* Итоги... С. 17. Далее данные обследований 1920-х гг. приводятся по тем же источникам.
32. *Турбин С. И.* Страна изгнания... С. 33.
33. *Лантев А. Н.* Итоги... С. 17.
34. *Пономарев А. А.* Жилищный вопрос... С. 53.
35. *Лантев А. Н.* Итоги... С. 17.
36. *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 280.
37. *Мартынов С.* Санитарно-медицинская часть... С. 223; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1904 г. СПб., 1906. С. 75; *Айзин М. Л.* Эндемические очаги сифилиса в Сибири и организованные формы борьбы с ним // Сиб. мед. журнал. 1926. № 5. С. 38; ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 18. Л. 91об.-92; и др.